

КЭТРИН КОУЛТЕР

ТАЙНЫ
СЕРДЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К73

Серия «мини-Шарм» основана в 1994 году

Catherine Coulter
PRINCE OF RAVENSCAR

Перевод с английского *И.А. Франк-Каменецкой*
Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Коултер, Кэтрин.

К73 Тайны сердца : [роман] / Кэтрин Коултер ; [пер. с англ. И.А. Франк-Каменецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-091870-6

Не прошло и года после свадьбы, как при загадочных обстоятельствах погибла Лили, молодая жена сэра Джулиана Монро, владельца поместья Рейвенскар. Вне себя от горя он покидает Англию.

Однако душевные раны затягиваются, и однажды Джулиан возвращается домой. Он не намерен снова жениться и поначалу жаждет лишь одного — раскрыть тайну гибели Лили. Но очень скоро в его жизнь вторгается прелестная Софи Уилки, и заледеневшее сердце Джулиана медленно пробуждается для новой любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Catherine Coulter, 2011
© Перевод. И.А. Франк-Каменецкая, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091870-6

Глава 1

*Южное побережье Англии
Близ Сент-Осита
Март 1831 года*

Тьма была кромешная — ни луны, ни звезд, ни единого просвета в тяжелых свинцовых тучах.

Превосходная выдалась ночь.

Джулиан привязал коня — рослого гнедого мерина по кличке Залп — к сухой ветке одинокого кряжистого дуба и осторожно спустился по крутой извилистой тропинке, ведущей в укромную бухту, надежно укрытую в скалах. Все, как в прежние времена, до отъезда из Англии. Приятно вернуться в родные края и в который раз пройти хорошо знакомым путем. Даже если холодный ветер с пролива проникает под одежду и пронизывает до костей. Вперед, навстречу ветру.

Добравшись до едва различимого в темноте уступа, он зажег фонарь и трижды поднял его вверх, подавая условный сигнал, установленный самим Джулианом много лет назад.

Пятью минутами позже примерно в пятидесяти ярдах от берега блеснули три ответные вспышки. Теперь не придется долго ждать. Два баркаса прибавили ходу и вскоре подошли так близко, что можно было различить мерные

всплески погружаемых в воду весел. Сердце Джулиана забило сильнее, он чувствовал, как кровь быстрее побежала по его жилам. В любой момент из-за ближайшей скалы могли выскочить стрелки береговой охраны, с гиканьем размахивающие ружьями. Оставалось надеяться на Харлана — очевидно, верный помощник позаботился своевременно раздать взятки нужным людям. Отнюдь не лишняя предосторожность, хотя никто из посторонних — во всяком случае, до сих пор — не проник в тайну этой маленькой бухты.

Можно сколько угодно жонглировать словами и называть контрабанду «свободной торговлей». Звучит, конечно, куда более возвышенно и романтично, однако сути дела ничуть не меняет — этот промысел является абсолютно противозаконным. Тем не менее поток контрабанды не иссякнет, пока болваны, засевшие в правительстве, не снизят непомерно высокие ввозные пошлины. Когда в головах политиканов проснется здравый смысл, бог весть. Джулиан от души надеялся, что старые скряги потянут время, и он успеет сполна насладиться полуночными прятками. С легкой руки сержанта Ламберта он приобщился к этой рискованной игре в шестнадцать лет и все еще находил в ней немалое удовольствие. Чай, бренди, табак, китайский рис, джин — он привозил все и каждый раз, приезжая сюда и спускаясь на берег, думал о своем наставнике. Ламберт погиб, как жил, бесшабашно и отчаянно, на бегу, в штыковой атаке при Ватерлоо, испустив последний яростный вопль, когда гаубичное ядро разорвалось у его ног. Джулиан помнил, как упал на колени посреди поля битвы и, заливаясь слезами, шарил руками по окровавленной земле, не в силах поверить, что от сержанта не осталось буквально ничего. Джулиан не знал, кто оттащил его от места гибели Ламберта, но вскоре он уже стоял перед Веллингтоном. Герцог хлопал его по плечу и приказал доставить депешу на левый фланг: «Срочно! Беги, это чертовски важно!» И Джулиан побежал. И бежал так, как не бегал никогда в жизни.

Он и по сей день удивлялся тому, что умудрился уцелеть при Ватерлоо, отделавшись только колотой раной в левое плечо. Детали того страшного дня не закрепились в памяти, бесконечные часы сражения слились в единое ощущение грохота, крови и смерти, над которыми раздавался уверенный голос Веллингтона. Его неизменно четкие приказы ободряли изможденных бойцов и вселяли в них мужество.

Мать однажды попыталась расспросить его о Ватерлоо, но, увидев выражение лица Джулиана, замолчала, крепко обняла его и больше никогда не затрагивала эту тему. Однако была бесконечно горда, когда сам герцог Веллингтон прислал персональную благодарность ее шестнадцатилетнему сыну.

До отъезда из Англии три года назад Джулиан семнадцатого июня обязательно навещал пустую могилу сержанта Ламберта на ферме неподалеку от Сент-Осита. Он не сомневался — неумный дух Ламберта знает о том, что Джулиан пользуется его любимой секретной бухтой, и, вполне возможно, иногда ускользает из своей нынешней обители, чтобы посмотреть, как причаливают к берегу груженные баркасы. Занимаются ли контрабандой в царстве небесном, Ламберт?.. Накануне Ватерлоо он спросил у сержанта, что мешает людям жить спокойно, почему им вечно чего-то не хватает. «Потому что алчность, злоба и зависть неотделимы от человека», — ответил Ламберт и выругался.

Как быстро будущее становится настоящим, а настоящее превращается в набор воспоминаний, которые порой вызывают улыбку, а порой внушают чувство безысходности. Не суждено ли самому Джулиану погибнуть в очередной войне так, как сержант Ламберт погиб при Ватерлоо? Вполне возможно, если посмотреть, что творится в Европе. Повсюду революции, люди самозабвенно истребляют друг друга, охваченные странной идеей через насилие изменить мир к лучшему. Интересно, может ли такой путь привести к чему-нибудь хорошему?

— Все в порядке, капитан!
Вот и Кокерал. Некоторые называли его сушим безум-
цем — разумеется, за глаза.

Джулиан улыбнулся, шагнул вперед... И замер. Что это за звук? Береговая охрана? Он предостерегающе поднял руку, и Кокерал и его спутники тотчас пригнулись к земле рядом с баркасами.

Джулиан чувствовал — кто-то притаился в темноте и наблюдает за ними. Кто? Зверь? Или человек?

Выждав некоторое время, они принялись за дело и перенесли груз — на сей раз в основном чай и бренди — в потайную пещеру. Джулиан постоянно прислушивался, но не уловил ничего, кроме завываний ветра.

Тем не менее, в изнеможении добравшись до постели за час до рассвета, он закрыл глаза и абсолютно отчетливо понял — тщательно хранимый секрет уединенной бухты больше не является секретом.

Глава 2 Возвращение Принца

*Рейвенскар
Близ Сент-Остелла
Южный Корнуолл
Апрель 1831 года*

Коринна обняла его, крепко прижала к себе и глубоко вздохнула. От него пахло вольными ветрами и океанскими штормами. Он загорел дочерна под палящими лучами солнца на верхней палубе своего корабля. А его глаза сияли от радости. Он выглядел как нельзя лучше — сильный, здоровый, восхитительно мужественный. Ее сын. День за днем она думала о нем, перечитывала его письма, приходившие каждую неделю, волновалась и готова была приехать к нему в Геную. Но он не позволял, писал, что это слишком рискованно.

Не разжимая объятий, она слегка отстранилась:

— Наконец-то ты дома, дорогой. Три года, Джулиан, долгих три года! Слава Богу, ты вернулся, целый и невредимый. Садись поудобнее, а я налью тебе чаю. Как ты любишь: тонкий ломтик лимона и больше ничего. Ведь ты не изменился, правда?

— В том, что касается чая, определенно нет. — Джулиан ласково погладил ее по нежной щеке. Она нисколько не постарилась и выглядела точь-в-точь, как в тот печальный ненастный вторник через два дня после похорон Лили, когда он покинул родные края. У матери были такие же темные глаза и волосы, как у него, только кожа, конечно, гораздо блее. — И ты не изменилась. Прошло три года, а ты все такая же красивая.

— Спасибо за щедрый комплимент, милый.

Ах, до чего он хорош! Любуясь им, она без труда находила в нем свои черты — те же сияющие в минуты радости глаза, та же манера, смеясь, откидывать голову назад. Похож ли он на отца? Она не знала. Очевидно, в родовом имени мужа, Маунт-Берни, висел его портрет в молодые годы, однако ей там бывать не доводилось. Глядя на Джулиана, она могла только гадать, имелась ли у его отца привычка склонять голову набок, выслушивая собеседника, выдерживал ли он вдумчивую паузу перед тем, как заговорить, и был ли он в молодости столь же неотразим, как его сын сейчас. Жаль, очень жаль, что Джулиан появился на свет, когда его отец был седовласым старцем. Хотя, надо отдать ему должное, он до последнего вздоха сохранил прямую спину и почти все зубы.

— Три года, Джулиан, — повторила она. — Надеюсь, ты уже... — «Оправился от горя», — витало в воздухе, но так и осталось невысказанным. — То есть как ты себя чувствуешь, дорогой?

Он улыбнулся:

— Все хорошо, мама. Три года — долгий срок, по правде говоря, слишком долгий. Я с удовольствием вернулся

домой. Нет, я больше не оплакиваю Лили, но не забыл ее. Думаю, никогда не забуду.

Коринна повернулась на звук открываемой двери:

— Пуффер! Вы очень вовремя. Потрудитесь принести чай и ромовый кекс с цукатами для моего блудного сына.

— Да, ваша светлость. — Пуффер отвесил почтительный поклон им обоим, однако смотрел только на Джулиана, приветствуя его широчайшей счастливой улыбкой. — Наконец-то вы вернулись, Принц, и выглядите таким безупречным, изысканным джентльменом, что даже самый строгий критик не придерется. Я так и сказал миссис Требаг, и она согласилась со мной, хотя ей удалось увидеть вас только мельком.

— Спасибо, Пуффер.

Джулиан знал рейвенскарского дворецкого едва ли не всю жизнь. Во всяком случае, он отчетливо помнил, как года в два с небольшим заигрался и подкатил мяч к ногам барона Перли. Пуффер тотчас оказался рядом и, величественно поклонившись барону, погладил Джулиана по голове, взял его на руки, сунул под мышку и понес прочь, нимало не смущаясь воплями малыша, желавшего заполучить свой мяч обратно. Пуффер и поныне сохранил прежнюю величавость, в отличие от шевелюры, от которой остался лишь седой венчик, обрамляющий обширную лысину. Что до миссис Требаг — она и вовсе служила в Рейвенскаре экономкой с тех незапамятных времен, когда старому герцогу было всего семьдесят и от женитьбы на матери Джулиана его отделяли хорошие пять лет.

— Располагайся, милый.

Он еще раз крепко обнял матушку и, усевшись в глубокое кресло, охотно поручил себя ее заботам. Она подложила ему под спину пухлую атласную подушку, пододвинула поближе мягкую скамеечку и даже собственными руками подняла и водрузила на нее его обутую в сапог ногу.

Джулиан рассмеялся:

— Право, достаточно. Ты рискуешь избаловать меня.

— Я твоя мать и могу баловать тебя сколько угодно. А сейчас, пока мы ждем Пуффера с чаем, я развлеку тебя приятной беседой и сообщу, что мы должны как можно скорее отправиться в Лондон.

Он озадаченно посмотрел на нее:

— В Лондон? Зачем? Я только что оттуда.

— Ты уже успел съездить в Лондон?

— Мне надо было увидеться с Харланом и обсудить с ним состояние дел.

— Ах нет, мистер Уиттакер и состояние дел — это совершеннейшее не то. Когда я говорю о Лондоне, я имею в виду светский сезон. Не забывай, в прошлом месяце тебе исполнилось тридцать два года, хотя тебя здесь не было и мне пришлось праздновать твой день рождения в одиночестве. В результате я выпила целую бутылку шампанского. Я подняла столько тостов за твое драгоценное здоровье, что на следующий день не смогла встать с постели. Тебе давно пора снова жениться. — Слова изливались из нее бурным потоком.

Джулиан поднял темную бровь и достал из жилетного кармана часы.

— Мама, я вернулся домой ровно десять минут назад. Надо ли торопиться с отъездом в Лондон? Может быть, повременим денек-другой?

Значит, ему «давно пора снова жениться»? К чему бы это?

Он медленно обвел взглядом гостиную, предоставляя маме возможность собраться с мыслями. Оно того стоило — отстаивая свою позицию, Коринна всегда проявляла завидную изобретательность и пускала в ход неожиданные аргументы.

— Мне нравится, как ты обставила эту комнату. Голубое прекрасно гармонирует с кремовым, а обюссонский ковер просто великолепен.

— Я рада, что ковер приводит тебя в такое восхищение, поскольку ты уплатил за него весьма внушительную сумму.

— А по поводу Лондона ты права, я был там всего несколько дней и действительно по большей части общался именно с Харланом. Я хотел знать, каково положение дел в Рейвенскаре, и проверил все убытки, прибыли, доходы от аренды и урожаи за последние годы. Должен признать, ты потрудилась на славу.

— Да, я не сидела сложа руки. Поместье в полном порядке, все арендаторы довольны. Ну или почти все. Некоторые всегда найдут повод для недовольства, как ты их ни ублажай и будь ты хоть самим Господом Богом. Впрочем, мои заслуги не так уж велики, ведь я каждую неделю получала от тебя письма с подробными инструкциями. — Она на секунду остановилась и лучезарно улыбнулась. — Заметил ли ты, как изменилась наша подъездная аллея? Я высадила вдоль нее серебристые клены, дубы и, главное, два десятка пальм. Они выглядят такими... тропическими, такими необыкновенно своеобразными! А все пустоши теперь покрыты вереском и бледно-желтыми нарциссами. Они смягчают пейзаж, к чему я, собственно, и стремилась. Рейвенскар всегда казался мне излишне суровым.

Откровенно говоря, Джулиан находил особое очарование в лишенном растительности склоне, плавно спускавшемся к проливу.

— Согласен, деревья оживляют ландшафт. Полагаю, раз нашим берегам больше не угрожает нашествие завоевателей, Рейвенскар не нуждается в грозном виде. Волны желтых нарциссов под легким дуновением бриза привнесут романтическую ноту. — Он замолчал, вспомнил Элен и улыбнулся.

— О, Пуффер, вот и вы наконец. Поставьте кекс поближе к моему обожаемому сыну. На мой взгляд, он слишком худой.

Пуффер снял серебряную крышку, обнажив блюдо с ромовым кексом миссис Колтрэк, и в желудке у Джулиана тихонько заурчало.

Он допивал вторую чашку чая, когда матушка решила возобновить беседу:

— Три года назад Лили умерла и ты покинул Англию. Нет, разумеется, не для того, чтобы избежать скандала — ни о каком скандале и речи быть не могло, — но тебя угнетало присутствие Лэнгуортов с их страшным горем и безумными обвинениями. Теперь все это позади. — Она перешла в наступление: — Джулиан, ты не становишься моложе. Напоминаю, тебе тридцать два года, и с этим нельзя не считаться. Ты должен обзавестись наследником.

Любопытный поворот.

— Наследником? Зачем? Не спорю, я, конечно, сын герцога, но всего лишь второй и не обязан заботиться о том, кому передать титул. Не так уж важно, есть у меня наследник или нет.

Матушка, со свойственной ей сообразительностью, ментально поняла, что ее аргумент прозвучал неубедительно, и на ходу сменила тактику.

— Ты не понял, я хотела сказать, что мечтаю стать бабушкой.

Ну, это уже никуда не годится. Явная ложь. Он приподнял бровь:

— Бабушка Коринна? Замечательно. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя называли просто «бабуля»?

Она вздрогнула.

— Мама, у меня нет ни малейшего желания возвращаться в Лондон. Кроме того, один из моих кораблей сильно запаздывает. «Голубой звезде» давно пора прибыть из Константинополя. Я должен ехать в Портсмут.

— Зачем? Разве твое пребывание в Портсмуте может как-то повлиять на скорость корабля?

Резонное замечание.

Не дожидаясь, пока он выдвинет новые возражения, она торопливо продолжила:

— Милый, я так соскучилась по своим дорогим друзьям. Мне не хватает балов и приемов. — Она прикрыла

глаза. — А в «Друри-Лейн» премьеры за премьерой. Я хочу насладиться дивными спектаклями.

«И покупками», — подумал он.

— И покупками, конечно. Ты же знаешь, я обожаю фешенебельные лавки Бонд-стрит.

Судя по всему, менее фешенебельные лавки Сент-Остелла она также не обходила своим вниманием. По крайней мере солидные счета исправно поступали в лондонскую контору и ложились на стол Харлана.

— Кстати, и тебе непременно надо зайти к портному. Твой сюртук вполне хорош для итальянского общества, но для Лондона совсем не подходит. И сапоги у тебя, прямо скажем...

Да, ему действительно нужны новые сапоги, однако...

Она поднялась с парчовой кушетки, погладила его по плечу и поцеловала в щеку.

— Мне не терпится уехать отсюда. Здешние дожди наводят на меня тоску. Я грубею, коснею и теряю форму. Пора сменить обстановку, а именно отправиться в Лондон. Причем на светский сезон, а не к твоему пресловутому управляющему.

Джулиан чувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Да-да, из-под тех самых ног, одетых в те самые старые сапоги. Боже, он только что вернулся. Ему хотелось жить дома, управлять поместьем, играть со спаниелями, бегать с ними наперегонки по дорожке, обрывавшейся на скалистом берегу. В конце концов, ему надо увидеться с Ричардом Лэнгуортом и его отцом, бароном Перли, и понять, продолжают ли они винить его в смерти Лили.

— Право, мама, ты прекрасно обойдешься без меня. Ты можешь в любой момент отправиться в Лондон, поселиться в нашем особняке и ни в чем себе не отказывать. Зачем тебе я, скажи на милость?

Она посмотрела на него с изрядной долей вызова:

— Ты не забыл, что ты мой сын, мой единственный сын, который отсутствовал три — три! — года? Я желаю проде-

монстрировать тебя обществу. Ты самый красивый мужчина в Англии! Пусть все это видят и завидуют мне.

Да что ж такое, в самом деле?!

Он немного помедлил и многозначительно произнес:

— Существует еще одна леди по фамилии Монро — Лорелея, супруга твоего пасынка. Ты неизбежно столкнешься с ней в Лондоне. Подумай хорошенько. По-моему, даже выщипывание бровей доставляет тебе больше удовольствия, чем встреча с Лорелейей.

У матушки были такие же густые темные брови, как у него, и он не однажды слышал ее охи и ахи, когда горничная — известная миру под именем Бедняжка Барби — каждые полторы недели удаляла лишние волоски.

— На сей раз я решительно и твердо поставлю Лорелею на место. Я не позволю ей изводить меня оскорбительными нападками. Она слишком много себе позволяет. Послушать ее, так я никуда не гожусь, а твой дорогой отец на старости лет выжил из ума и в семьдесят пять лет женился бог знает на ком — то есть на мне! И вот, полюбуйтеесь, что из этого вышло: я произвела на свет бог знает кого — то есть тебя. И тут она прямо-таки заходится от негодования, и все ее бесчисленные подбородки начинают дрожать. Ей, видите ли, твое рождение представляется возмутительным недоразумением. Ты, конечно, совершенно неполноценный. Разве из чахлого старческого семени может произрасти что-нибудь хорошее? То ли дело ее супруг — он родился, когда твой дорогой отец находился во цвете лет и у него было все в порядке с головой. А ты мало того что родился, так еще и занялся коммерцией. Какой кошмарный позор! — Матушка остановилась, перевела дыхание, потрогала изящными длинными пальцами чайную чашку и просияла. — Если мне не изменяет память, Лорелея сильно располнела. А я — нет! Кроме того, я готова держать пари, что она снова облачится во все фиолетовое. — Коринна слегка вздрогнула.

Джулиан молчал.

Она внимательно посмотрела на него:

— Девлин всегда приезжает в Лондон на светский сезон. Я слышала, его отец подыскивает ему подходящую невесту. Ведь Девлину уже двадцать семь — представь, как летит время! — и ему необходимо жениться и обзавестись потомством.

— Значит, решено стреножить нас обоих?

Она пропустила его замечание мимо ушей.

— Пожалуйста, Джулиан, пусть тебя не волнуют мои взаимоотношения с Лорелеей. Я удостою ее самым что ни на есть царственным кивком и прошествую мимо.

Джулиану не хотелось сдаваться.

— Мама, ты отлично справишься без меня, — повторил он и с изумлением увидел, что ее небольшой изящный подбородок задрожал, а прекрасные темные глаза наполнились слезами.

— Хорошо, Джулиан, ты вынуждаешь меня сказать тебе правду.

Глава 3

— Правду?

Джулиан с любопытством ждал продолжения, но тут из холла донесся залиvistый лай.

— У меня для тебя сюрприз, мама.

Открыв дверь гостиной, Джулиан подал знак своему камердинеру Плинию, и тот спустил с поводка привезенных из Генуи той-спаниелей.

Оказавшись на свободе, собачки с радостным визгом устремились к хозяину, окружили его и, весело встряхивая длинными шелковистыми ушами, исполнили маленький танец, которому он их научил.

Джулиан присел на корточки и сгреб своих любимцев в охапку.

— Матушка, позволь представить тебе Клетуса, Беатрис, Оливера и Гортензию. Каждому из них год от роду. На первый взгляд они кажутся одинаковыми, но ты пой-

мешь, что это не так, когда познакомишься с ними поближе. У них совершенно разные характеры. Думаю, они облюбовуют для себя мой кабинет, поскольку его двери выходят на прогулочную лужайку.

— Бог ты мой, какие чудесные создания! Чрезвычайно любознательные и подвижные, не так ли? Особенно вот этот.

— Это Клетус.

— По-моему, он смотрит на меня с интересом.

Джулиан поднял ошалевшего от восторга Клетуса, и, пока Коринна гладила его мягкую шерстку, тот успел добрый десяток раз лизнуть ее руку.

— Будем знакомы, Клетус, — сказала Коринна. — Надеюсь, тебе здесь понравится и ты будешь хорошо себя вести, правда?

Клетус вырвался из рук Джулиана, взвизгнул, твякнул и облегчился на обюссонский ковер. Коринна улыбнулась:

— Да, милый, этим прелестным малышам самое место в твоём кабинете. Будь добр, позвони, пусть Пуффер займется оплошностью, которую допустил малютка Клетус.

Несколько минут спустя спаниели, дружно виляя хвостами, шумной гурьбой отправились под руководством Плиния осматривать свое новое жилище. Пуффер приказал горничной убрать «оплошность малютки Клетуса», после чего собственноручно сжег два перышка, чтобы перебить нежелательный аромат.

— Плиний неплохо выглядит, — заметила Коринна.

— Очень неплохо, если принять во внимание его впечатлительную поэтическую натуру, — ответил Джулиан. — Я считаю, что ему надо было стать актером. Он обожает кипение страстей и вечно разыгрывает драмы на пустом месте. Слава Богу, он не разрыдался, когда Клетус справил нужду на ковер.

Плиний, subtilный маленький человечек с копной светлых волос, когда-то перебивался с хлеба на воду, торгуя обувью в Плимуте. Торговля шла из рук вон плохо, и он,